

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9+316.752

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Б.С. Алишев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты исследования динамики ценностных предпочтений российских студентов за последние 17 лет. Проанализированы итоги трёх измерений, проведённых в 2000, 2008 и 2016 гг. Размеры выборок составили 309, 303 и 291 человек соответственно, при этом каждая из групп делилась также по половому признаку. Для решения вопроса о том, насколько подвержена изменениям структура ценностных предпочтений студенческой молодёжи, использовалась авторская методика. Основные выводы заключаются в следующем: 1) изменения в структуре ценностных предпочтений студентов на двух временных отрезках (2000–2008 гг. и 2008–2016 гг.) неодинаковы, причём часть изменений, появившихся на первом отрезке, сглаживается на втором; 2) изменения с 2000 по 2016 г. характеризуются постепенной переориентацией студентов от широких социальных и экономических ценностей к микросоциальным; 3) в рассматриваемом периоде времени структура ценностных предпочтений девушек изменялась в большей степени, чем у юношей; 4) наиболее фундаментальные ценности являются наименее динамичными во всех исследованных группах.

Ключевые слова: ценности, ценностные предпочтения, структура ценностей, изменения в структуре ценностных предпочтений, студенты, юноши, девушки

Введение

Исследования ценностей различных групп населения стали настолько популярны в течение нескольких последних десятилетий, что вряд ли имеет смысл упоминать даже самые известные и масштабные. Проще назвать основные теоретические модели, в рамках которых проводились подобного рода изыскания. В разное время широкой поддержкой учёных пользовались, например, концепции и созданные на их основе методики Ч. Морриса, К. Клакхона, А. Эдвардса, М. Рокича, Г. Хофстеде и др. Сегодня основная масса психологов опирается на разработки С. Шварца и его коллег [1–3], а среди социологов получили распространение идеи Р. Инглхарта [4–5]. В России за последние 20 лет в рамках этих моделей, а также с привлечением других теоретических оснований проведены исследования, в которых выявляется динамика ценностных

предпочтений различных групп населения за тот или иной период и проводится сравнение с другими странами и культурами (см., например, [6–11]).

Настоящая статья вписывается в длинный ряд аналогичных исследований. Однако у неё есть две особенности. Во-первых, она опирается на теоретический подход и методику, которые заметно отличаются от тех, что получили широкую известность: они были предложены мной 18 лет назад [12], а затем подробно описаны в моей докторской диссертации [13] и других работах [14, 15]. Во-вторых, сравнительные исследования динамики ценностей на российских выборках, растянутые во времени на 17 лет, насколько мне известно, отсутствуют. В этой статье ставится цель выяснить, как менялись ценности молодых россиян (студентов) в начале XXI в. в целом, а также отдельно у студентов мужского и женского пола.

Теоретические положения исследования

Почти 100 лет тому назад Ф. Знанецкий дал ставшее классическим определение социальной ценности как «любого предмета (datum), обладающего эмпирическим содержанием, доступным членам социальной группы, а также значением (meaning), вследствие которого он является или может быть объектом действия» [16, р. 21]. Нетрудно заметить, что в этой дефиниции ценности выводятся за пределы субъекта. Предметы, о которых идёт речь, могут быть как материальными, так и идеальными, но в любом случае они находятся во внешнем для субъекта мире. Кстати, именно поэтому Ф. Знанецкому пришлось ввести дополнительное понятие «аттитюд» (attitude), которое стало обозначать интенцию субъекта к ценностям, его отношение к ним.

Другое понимание сущности ценностей можно назвать трансцендентальным. В основном оно получило распространение в этико-философских и культурологических исследованиях. В качестве примера можно сослаться на Дж. Финдли, который для обоснования системы морали вводит понятие «абсолют» – то, что существует само по себе и только в себе самом содержит своё объяснение. Учёный утверждает, что абсолют должен включать в себя все конечные ценности, такие как счастье, свобода от боли, свобода от произвольного неравенства, понимание и любовь других людей, потому что в противном случае это был бы уже не абсолют [17, р. 22–28]. Другие сторонники трансцендентализма, однако, признают наличие как глубинных, существующих самостоятельно ценностей (intrinsic values), так и ценностей, внешне воплощающихся и воспринимаемых (extrinsic value) (см., например, [18]).

Как видим, в этом варианте ценности тоже оказываются вне субъекта. Такое исходное положение не может устроить психологию, поскольку она не занимается изучением всего того, что находится в так называемой объективной реальности. Вместе с тем она не может не интересоваться ценностными предпочтениями людей, причинами их формирования и их влиянием на другие компоненты психики и сознания. Поэтому вполне объяснимы предпринимавшиеся психологами попытки психологизировать понятие «ценность». Одна из наиболее удачных принадлежит У. Бильски и Ш. Шварцу. Они пишут: «Ценности есть когнитивные репрезентации важнейших человеческих целей и мотиваций, по поводу которых они должны вступать в коммуникацию для координации

своего поведения» [19, р. 164]. Корни этого определения восходят к Ф. Знанецкому, но в нём делается упор на том, что ценности существуют во внутреннем мире субъекта в качестве ментальных репрезентаций его собственных влечений, целей, интенций и т. д.

Такое понимание устраивает многих исследователей, но, с моей точки зрения, оно имеет недостатки. В сущности, оно сводит проблему ценности к проблеме значимости: то, что важно (имеет значение), то и есть ценность, и, чем больше субъективное значение чего-то, тем больше его ценность. Но тогда получается, что мы просто подменяем термины и вместо понятия «значение» используем понятие «ценность». Однако я склонен думать, что ценности, безусловно, играют важнейшую роль в процессе определения значений, но к ним не сводятся, а выполняют функцию критериев, на основе которых и определяются значения. То же самое можно сказать о целях и мотивациях: и то, и другое появляется у человека не случайно, а на основе некоторых фундаментальных представлений и критериев.

Определение ценности было предложено также Р. Инглхартом, но оно носит весьма обобщённый характер: «индивидуальные приоритеты, отражающие социально-экономическое окружение» [4, р. 68]. С этим утверждением трудно спорить, потому что ценности, конечно же, существуют в ментальном мире субъекта как некая разновидность его собственных предпочтений, но такими же их разновидностями являются и цели, и мотивации. Р. Инглхарт, не будучи психологом, не интересуется вопросом о том, какова, собственно говоря, психологическая природа предпочтений, в каких формах они существуют в психике живых существ, в том числе человека, какое место в общей системе предпочтений занимают ценностные предпочтения и т. д. Поэтому данную дефиницию можно считать сугубо операциональной, то есть удобной для решения исследовательских задач, но она не приближает к пониманию сути феномена ценности.

Недостатки существующих теоретических подходов вынуждают меня сформулировать собственное определение, которое в кратком виде выглядит так: ценности представляют собой «отражённые в психике и сознании человека функциональные связи между субъектом и объективным миром, имеющие конкретную модальность, обусловленную их содержанием» [15, с. 198]. Этому определению сущности ценностей дано подробное обоснование в других моих работах [13–15]. В рамках настоящей статьи я имею возможность представить только краткие пояснения.

Итак, суть моей идеи состоит в том, что ценности не заключены в разного рода предметах и объектах, но они и не являются какими-то имманентными психическими феноменами. Ценности возникают во взаимодействии субъекта с окружающим миром. Иными словами, их не надо искать в объектах, но их нет и в субъекте. Они находятся между тем и другим и играют роль регуляторов взаимодействия.

В этом взаимодействии субъекту приходится непрерывно определять значение всего того, что происходит, и вкладывать те или иные значения в собственные действия. Однако всякое значение конкретно, то есть оно обладает не только мерой (более значимо / менее значимо), но и содержанием. В свою очередь, содержание значения зависит от функциональности взаимодействия –

того, какая именно функция реализуется в нём. Поэтому некий предмет может приобрести колоссальное значение в одной ситуации взаимодействия¹, но не иметь никакого значения в другой. Таким образом, во всяком взаимодействии становятся актуальными те или иные модальности определения значений, которые связаны с конкретной функциональностью взаимодействия.

В качестве примера рассмотрим ситуацию покупки мобильного телефона в магазине. Является ли данный предмет ценностью для покупателя? В моём понимании нет, но он имеет для него значение. Дело в том, что в реальности человек делает выбор из множества конкретных объектов, отличающихся друг от друга рядом параметров: ценой, дизайном, количеством опций и т. д. Это и будут разные аспекты функциональности, или модальности определения значений, как я их называю. Что же в данном случае окажется более важным и ценным для покупателя? Один купит более дешёвый телефон, второй будет ориентироваться на внешний вид товара, а для третьего что-то другое может стать самым значимым аспектом функциональности. Так или иначе, большинство людей будут учитывать несколько модальностей определения значений и ранжировать их по степени важности в конкретной ситуации. В других обстоятельствах могут оказаться актуальными иные модальности определения значений или может измениться порядок ранжирования тех же самых. Все модальности определения значений, которые используют люди, обозначают функциональные связи между человеком и реальностью. Именно их я и называю ценностями.

Поскольку функциональных связей множество, а в ситуациях взаимодействия актуализируются лишь некоторые из них, то возникает важный для любой теории ценностей вопрос об их классификации. В описываемой мной модели я опираюсь на представление о четырёх относительно независимых блоках ценностей. При этом ценностные предпочтения могут конкурировать друг с другом только в рамках одного блока. Например, я полагаю бессмысленным выяснять, что является большей ценностью для человека: дружба или материальные блага, защита природы или свобода, красота или саморазвитие, личное благополучие или добро и т. д. Всё это примеры сочетания неконкурирующих друг с другом ценностей, относящихся к разным группам.

Первый блок ценностей в предлагаемой модели образуется основным ценностным отношением, в рамках которого реализуется наиболее глубинная по своей функциональности модальность определения значений «я – не я» (для меня – не для меня). Здесь выделено 7 ценностей, занимающих последовательные позиции от одного полюса указанного континуума до другого: *сохранение среды обитания, жизнь и безопасность человека, развитие культуры и нравственности, экономический и научно-технический прогресс, благополучие и могущество родины, благополучие близких людей, моё собственное благополучие*. Второй блок формируют ценности, называемые мной базовыми или первичными. Они характеризуют наиболее фундаментальные аспекты взаимодействия человека с реальностью и соответствуют сферам жизни человеческого общества: *польза, истина, красота, мощь (сила), свобода, справедливость,*

¹ См., например, ставшую крылатой фразу «Коня! Коня! Полцарства за коня!», произнесённую королём Ричардом в трагедии У. Шекспира «Король Ричард III».

добро. В третий блок входят ценности, обозначающие крупные сферы жизни человека: *личное здоровье, семья, любовь, дружба, отдых (развлечения), работа, общественная жизнь*. Наконец, четвёртый блок – это ценности, связанные с наиболее мощными мотивационными тенденциями, стремлениями: *покой, материальные блага, гармония отношений, статус, разнообразие жизни, саморазвитие, самоотдача*.

Таким образом, было выделено 28 ценностей, разделённых на четыре блока, по семь в каждом блоке. Однако следует отметить, что эта структурная модель не рассматривается мной в качестве завершённой. В дальнейшем она может совершенствоваться и изменяться, но на данном этапе достаточно удобна для проведения научных исследований.

Методика и выборка исследования

Для определения индивидуальных предпочтений в пределах каждого блока нами использовался метод парных сравнений, который позволяет получить индексы приоритетности (предпочтительности) каждой ценности. Как уже ясно из сказанного выше, пары составлялись только из ценностей одного и того же блока, причём каждая из них оказывалась в сочетании с остальными по одному разу. Испытуемым предлагалось сделать выбор в пользу одной из ценностей. Таким образом, индексы ценностей респондентов распределялись по семи-балльной шкале в пределах от 0 («поражения» во всех сочетаниях) до 6 («победы» во всех сочетаниях).

Респондентам давалась инструкция, содержащая краткое и в то же время максимально широкое определение существа каждой ценности. Она не преследовала цели навязать всем отвечающим какую-то единственную трактовку, а, наоборот, была направлена на то, чтобы избежать влияния узких стереотипов обыденного сознания на индивидуальные интерпретации.

Как указывается в специальной литературе [20], данные, полученные с помощью метода парных сравнений, могут быть представлены и в виде шкал порядка, и в виде шкал отношений (в последнем случае они подчиняются закону нормального распределения). Это обстоятельство дало нам возможность использовать методы параметрической статистики. Вычислялись средние арифметические индексов приоритетности ценностей по всей выборке и отдельным группам респондентов, а также показатели статистической значимости различий между ними (*t*-критерий Стьюдента). Для вычислений использовался стандартный комплект статистических функций программы Excel.

В выборку вошли три группы студентов высших учебных заведений Казани, Набережных Челнов и Нижнекамска, обучающихся по гуманитарным специальностям (в том числе по направлению «Экономика»). Первая группа в количестве 309 человек была опрошена в 2000–2001 гг. Средний возраст составил 19.8 года при стандартном отклонении, равном 2.2. Девушек в выборке было больше, чем юношей (177 и 132 соответственно). В этническом отношении на 140 русских студентов пришёлся 151 татарин, 18 студентов были других национальностей.

Вторая группа студентов была опрошена в 2008–2009 гг. Её численность составила 303 человека при среднем возрасте 19.3 года и стандартном отклонении,

равном 1.8. В выборку вошли 171 девушка и 132 юноши. Русские немного преобладали над татарами (153 и 120 соответственно).

Третья группа – студенты, опрошенные в 2015–2016 гг. Всего 291 человек. Данная выборка была самой молодой: её средний возраст составлял 18.9 года при стандартном отклонении, равном 1.9. Среди студентов, как и в двух других выборках, преобладали девушки – 118 юношей и 172 девушки. В этническом отношении выборка была фактически равной: 128 татар и 129 русских, 34 человека представляли другие национальности.

Результаты исследования и их обсуждение

В табл. 1 представлены средние значения приоритетности всех 28 ценностей по трём выборкам и указаны статистически достоверные различия между ними. При этом наиболее важные данные по половым группам будут приводиться прямо в тексте.

Из табл. 1 следует, что ценности студентов, с одной стороны, остаются очень устойчивыми в течение рассматриваемого временного периода. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на следующее обстоятельство: в каждом блоке наиболее высокие показатели из года в год демонстрируют одни и те же ценности; то же можно сказать и о ценностях, получивших низкие значения. Например, в рамках первого блока три ценности – *благополучие близких людей, жизнь и безопасность человека, моё собственное благополучие* – неизменно занимают первые три места в рейтинге ценностей, в то время как *благополучие и могущество родины*, а также *экономический и научно-технический прогресс* оказываются на двух последних. Такая же ситуация наблюдается во втором блоке ценностей: на первых местах постоянно находятся *справедливость, добро и свобода* (две последние ценности к 2016 г. поменялись местами), а на последнем – *мощь (сила)*. В третьем блоке высокие показатели обнаруживают ценности *семья, любовь и личное здоровье* (происходит изменение их позиций относительно друг друга); наименее важной ценностью признаётся *общественная жизнь*. Наконец, в четвёртом блоке *гармония отношений, материальные блага и саморазвитие*, хотя меняют свои позиции по отношению друг к другу, но остаются важнейшими ценностями, а *покой* всегда занимает самое низшее положение.

Ситуация по распределению ценностей в группах, выделенных по половому признаку, тоже оказалась весьма любопытной. В первую очередь следует отметить, что ни у юношей, ни у девушек не наблюдается каких-то отчётливо выраженных необычных тенденций в динамике ценностных предпочтений. В обеих группах по двум временным отрезкам происходят более или менее равномерные изменения. Однако у юношей выявлено значительно меньшее количество статистически достоверных изменений, чем у девушек. Например, у последних обнаружено 10 статистически значимых по t-критерию Стьюдента изменений в первом временном отрезке (с 2000 по 2008 г.) и 11 – во втором (с 2008 по 2016 г.). В результате наложений с 2000 по 2016 г. в сумме они составили 11 статистически достоверных изменений. У юношей всё выглядит иначе: 7 изменений на первом отрезке времени, 8 – на втором, в итоге за все

Табл. 1

Ценностные предпочтения студентов в трёх одновременных выборках

№	Ценности	Средние значения			Различия (<i>t</i> -критерий Стьюдента)		
		2000	2008	2016	<i>t</i> (1–2)	<i>t</i> (2–3)	<i>t</i> (1–3)
1	Сохранение среды обитания	2.70	2.76	2.99		(+)	
2	Жизнь и безопасность человека	3.84	3.39	3.80	(–)	(+)	
3	Развитие культуры и нравственности	2.84	2.83	3.02			
4	Экономический и научно-технический прогресс	1.65	1.95	1.48	(+)	(–)	
5	Благополучие и могущество родины	2.42	2.31	1.87		(–)	(–)
6	Благополучие близких людей	4.49	4.59	4.77			(+)
7	Моё собственное благополучие	3.06	3.18	3.06			
8	Польза	2.55	2.48	2.60			
9	Истина	3.06	2.73	3.35	(–)	(+)	(+)
10	Красота	2.39	2.87	2.12	(+)	(–)	
11	Мощь (сила)	1.67	2.11	1.65	(+)	(–)	
12	Свобода	3.72	3.60	3.55			
13	Справедливость	3.96	3.62	3.90	(–)	(+)	
14	Добро	3.65	3.59	3.83			
15	Личное здоровье	3.96	3.86	3.79			
16	Семья	4.21	3.67	4.66	(–)	(+)	(+)
17	Любовь	3.86	4.24	3.95	(+)	(–)	
18	Дружба	3.21	3.40	3.15		(–)	
19	Отдых (развлечения)	1.97	2.40	2.24	(+)		(+)
20	Работа	2.81	2.55	2.39	(–)		(–)
21	Общественная жизнь	0.97	0.87	0.82			
22	Покой	1.40	1.89	1.81	(+)		(+)
23	Материальные блага	3.90	3.87	3.23		(–)	(–)
24	Гармония отношений	3.70	3.92	4.06			(+)
25	Статус	2.96	2.70	1.85	(–)	(–)	(–)
26	Разнообразие жизни	2.88	2.67	3.29		(+)	(+)
27	Саморазвитие	3.85	3.74	4.30		(+)	(+)
28	Самоотдача	2.32	2.20	2.46			

Условные обозначения: знаки «+» и «–» означают соответственно статистически достоверное повышение или понижение среднего значения по *t*-критерию Стьюдента в выборках 1, 2 и 3; жирными линиями разделены блоки ценностей.

17 лет отмечено лишь 7 статистически достоверных изменений. Это достаточно неожиданно, так как в психологии принято считать, что у мужчин поведение и психика в целом отличаются большей динамичностью и гибкостью, чем у женщин. Не будем, однако, спешить с выводами и учтём, что показатель статистической достоверности изменений сильно зависит от размеров выборок, которые в данном случае были примерно вдвое меньшими, чем три основные выборки.

Интересно также то, что в результате произошедших изменений с 2000 по 2008 г. структура ценностей юношей и девушек сблизилась. Если в 2000 г. они имели 14 статистически значимых по t -критерию Стьюдента различий между собой, то в 2008 г. их осталось только 7, и далее это число уже не менялось.

Для того чтобы понять, в каком именно направлении менялись ценностные предпочтения студентов, обратимся к содержательной стороне трансформаций, то есть попытаемся ответить вопрос: показатели каких ценностей наиболее очевидно изменяются в тот или иной период?

Итак, между 2000 и 2008 гг. (см. столбец $t(1-2)$ табл. 1) статистически значимо возросли индексы приоритетности у следующих ценностей: *экономический и научно-технический прогресс, красота, мощь (сила), любовь, отдых (развлечения), покой*. Снизились показатели у ценностей *жизнь и безопасность человека, истина, справедливость, семья, работа и статус*. Между 2008 и 2016 гг. некоторые из этих изменений сгладились, но появились новые (см. столбец $t(2-3)$ табл. 1). Так, увеличились индексы ценностей *сохранение среды обитания, жизнь и безопасность человека, истина, справедливость, семья, разнообразие жизни и саморазвитие*; противоположная ситуация наблюдается у ценностей *экономический и научно-технический прогресс, благополучие и могущество родины, красота, мощь (сила), любовь, дружба, материальные блага и статус*. Если же рассматривать более длительный период времени, с 2000 по 2016 г. (см. столбец $t(1-3)$ табл. 1), то легко заметить, что в первых двух блоках ценностей многие изменения, наблюдавшиеся на более коротких временных отрезках, элиминировали друг друга. В итоге осталось только три изменения: за 17 лет студенты стали больше ценить *благополучие близких людей* и меньше – *благополучие и могущество родины* (гораздо более широкой социальной общности); кроме того, за этот период несколько повысился индекс ценности *истина*. По двум другим, более конкретным блокам ценностей произошло значительно больше изменений в течение 17 лет. Студенты стали больше ценить *семью и отдых (развлечения)*, но меньше – *работу*. Повысились также индексы ценностей *покой, гармония отношений, разнообразие жизни и саморазвитие*, при этом понизились показатели у ценностей *материальные блага и статус*.

Как могут быть интерпретированы данные изменения? Поиск общего объяснения суммы множества разноплановых трансформаций всегда связан с большими трудностями и влиянием субъективных представлений (и ценностей) самого исследователя. Тем не менее нужно пытаться это сделать.

Исходя из полученных данных об изменениях в структуре ценностей, можно предположить, что с 2000 по 2008 г. происходило возрастание социального оптимизма, сопровождавшееся некоторой инфантилизацией студенческой молодёжи. Возможно, на это повлияла общая положительная динамика уровня жизни населения в рассматриваемый период. Люди (семьи) стали больше зарабатывать, что дало возможность молодёжи тратить больше средств на развлечения и отдых, уделять больше внимания личным отношениям, меньше тревожиться о своём будущем. На этом фоне на задний план отступают некоторые общегуманистические и общесоциальные ценности, а также ценности, связанные с трудом. В итоге у молодёжи сформировалось нечто вроде ценностной эйфории.

В следующий временной отрезок (с 2008 по 2016 г.) стали появляться некоторые признаки «ценностного отрезвления». Индексы одних ценностей, снизившиеся к 2008 г. (*жизнь и безопасность человека, истина, справедливость, семья*), восстановились к 2016 г., а показатели других, наоборот, уменьшились до прежних уровней (*экономический и научно-технический прогресс, красота, любовь* и др.). Следовательно, произошла своеобразная коррекция.

На 17-летнем временном интервале обнаруживается смещение ценностных предпочтений студентов к микросоциальным связям и личной жизни. В какой-то мере можно говорить о тенденции студенческой молодёжи к уходу от общесоциальных и экономических ценностей.

Завершая анализ результатов исследования, обратим внимание на ещё одно важное обстоятельство. Из четырёх блоков ценностей, представленных в табл. 1, наиболее мобильным и динамичным является четвёртый, в который входят ценности, отражающие основные мотивационные тенденции, характерные для людей. Наименее динамичны ценности первого блока, образующие основное ценностное отношение, и второго блока, в который входят обобщённые ценностные модальности. Данная закономерность наблюдается также по отдельным половым группам. Хотя различия в динамике между блоками ценностей не столь велики, можно допустить, что наименее динамичными являются наиболее фундаментальные ценности и наоборот. Этот вывод хорошо согласуется с распространённой в психологии точкой зрения, в соответствии с которой наиболее глубокие, базовые элементы психики и сознания признаются наиболее устойчивыми.

Заключение

Итак, проведённое исследование показало, что на длительных временных отрезках может изменяться мера приоритетности даже самых фундаментальных (общечеловеческих) ценностей. В частности, из него следует, что структура ценностных предпочтений студенческой молодёжи в течение последних 17 лет не оставалась неизменной. Происходившие трансформации имели свои особенности на разных этапах указанного периода времени. Изменения, выявленные на первом временном отрезке (2000–2008 гг.), отличаются от тех, что были обнаружены на следующем (2008–2016 гг.), причём часть изменений, появившихся на первом отрезке, была элиминирована на втором. Общие изменения в ценностных предпочтениях, произошедшие между 2000 и 2016 гг., связаны с постепенной переориентацией студентов от широких социальных и экономических ценностей (*работа, материальные блага, статус, свобода, благополучие и могущество родины* и др.) в пользу ценностей, направленных на индивидуальную жизнь и микросоциальные связи (*благополучие близких людей, семья, отдых, покой, гармония отношений, разнообразие жизни, саморазвитие* и др.). Важным результатом, полученным в исследовании, являются также данные о том, что предпочтения, связанные с наиболее фундаментальными ценностями, менее подвержены изменениям во времени. Такая закономерность обнаруживается при сравнении как общих выборок, так и выборок по половым группам.

Сформулированные выводы являются в определённой степени оценочными, то есть они опираются не только на строгие статистические выкладки, но и на качественный анализ полученной информации. Возможно, любопытные факты

и тенденции могли бы быть обнаружены, если бы удалось проанализировать более длительный период времени или провести измерения на более коротких отрезках того же временного периода. То, что этого не было сделано, вызывает некоторые сожаления, однако ещё есть возможность изучать динамику ценностных предпочтений студентов и других групп населения в некоторой временной перспективе. Кроме того, весьма интересным является вопрос о том, как связаны изменения ценностных предпочтений людей с изменениями в их социально-экономическом положении и межличностном поведении.

Литература

1. *Bilsky W., Janik M., and Schwartz Sh.H.* The structural organization of human values-evidence from three rounds of the European Social Survey (ESS) // *J. Cross-Cult. Psychol.* – 2011. – V. 42, No 5. – P. 759–776.
2. *Schwartz Sh.H.* Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Adv. Exp. Soc. Psychol.* – 1992. – V. 25. – P. 1–65.
3. *Schwartz Sh.H., Bilsky W.* Toward a universal psychological structure of human values // *J. Pers. Soc. Psychol.* – 1987. – V. 53, No 3. – P. 550–562.
4. *Inglehart R.* Culture shift in advanced industrial society. – Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1990. – 484 p.
5. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. – М.: Нов. изд-во, 2011. – 463 с.
6. Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 224 с.
7. *Собкин И.С., Писарский П.С.* Жизненные ценности и отношение к образованию: кросс-культурный анализ, Москва – Амстердам: По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. – М.: Центр социологии РАО, 1994. – 151 с.
8. *Журавлёв А.Л., Журавлёва Н.А.* Динамика ценностных ориентаций личности в условиях экономических изменений в обществе // *Время как фактор изменений личности: Сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Брушлинского, В.А. Поликарпова.* – Минск: Изд-во Европ. гуманит. ун-та, 2003. – С. 66–81.
9. *Лебедева Н.М.* Базовые ценности русских на рубеже XXI века // *Психол. журн.* – 2000. – Т. 21, № 3. – С. 73–87.
10. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 527 с.
11. Ценностное сознание личности в период преобразования общества / Под ред. Е.Д. Дорофеева, Л.А. Седова. – М.: Ин-т психологии РАН, 1997. – 95 с.
12. *Алишев Б.С.* Психологическая теория ценности: ещё один подход // *Профессиональное образование: Казан. пед. журн.* – 1998. – № 4 – С. 37–44.
13. *Алишев Б.С.* Психологическая теория ценности: системно-функциональный подход: Дис. ... д-ра психол. наук. – Казань, 2002. – 367 с.
14. *Алишев Б.С.* Взаимодействие в системе «субъект – объект» и проблема ценностей // *Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 1. – С. 185–196.
15. *Алишев Б.С.* Этнокультурные различия в структуре ценностей молодёжи Татарстана // *Tatarica.* – 2014. – № 1. – С. 186–206.

16. *Thomas W.I., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America: in 5 v. – Boston: Gorham Press, 1918. – V. 1. – 526 p.
17. *Findlay J.N.* Ascent to the absolute: metaphysical papers and lectures. – London: Allen & Unwin, 1970. – 271 p.
18. Recent work on intrinsic value / Eds. T. Rønnow-Rasmussen, M.J. Zimmerman. – Dordrecht: Springer, 2005. – 425 p.
19. *Bilsky W., Schwartz S.H.* Values and personality // *Eur. J. Personality.* – 1994. – V. 8, No 3. – P. 163–181.
20. *Евланов Л.Г.* Экспертные оценки в управлении. – М.: Экономика, 1978. – 132 с.

Поступила в редакцию
12.05.16

Алишев Булат Саламович, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Bulat.Alishev@gmail.com

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 4, pp. 929–940

Changes in the Structure of Values of the Student Youth in the Early 21st Century

B.S. Alishev

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: Bulat.Alishev@gmail.com

Received May 12, 2016

Abstract

This paper discusses changes in the value preferences of Russian students that have taken place from 2000 to 2016. The relevance of the study is determined by the absence of any corresponding data in the domestic science. The purpose of the study is to determine the extent to which the structure of value preferences of students changes with time. This problem is solved with the help of a technique developed in 1999 and used repeatedly by the author of this paper and other researchers as well.

The paper provides empirical data to prove the following findings. Firstly, changes in the structure of value preferences of students analyzed in two time intervals (2000–2008 and 2008–2016) are differently directed. Some of these changes that emerged in the first interval disappeared by the second interval, but the second interval was also marked by new changes. Secondly, differences in the dynamics of value preferences between male and female students are pronounced and fit into the overall trend. Thirdly, the general trend is that there was a reorientation in the value preferences of students from 2000 to 2016: the role of common social and economic values became less important, while the role of values associated with microsocial connections and relations increased. The latter result, which characterizes the general essence of changes in the value preferences of students, is the key one.

Based on the results obtained during the study, it is concluded that even fundamental value preferences can change over a long period of time (with regard to young age groups). However, fundamental value

preferences are less dynamic compared to more specific value preferences. The results and conclusions of this study are crucial for understanding the processes taking place in the public consciousness of students.

Keywords: values, value preferences, structure of values, changes in structure of value preferences, students, boys, girls

⟨ *Для цитирования:* Алишев Б.С. Изменения в структуре ценностей студенческой молодежи в начале XXI века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 4. – С. 929–940. ⟩

⟨ *For citation:* Alishev B.S. Changes in the structure of values of the student youth in the early 21st century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 4, pp. 929–940. (In Russian) ⟩